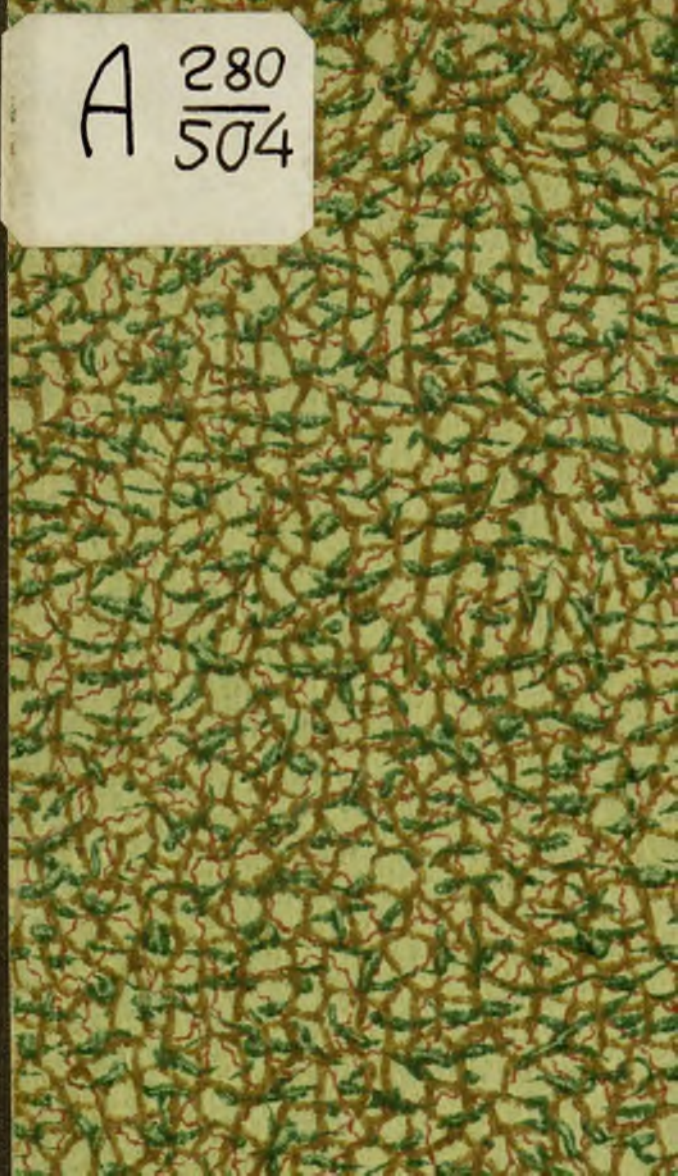
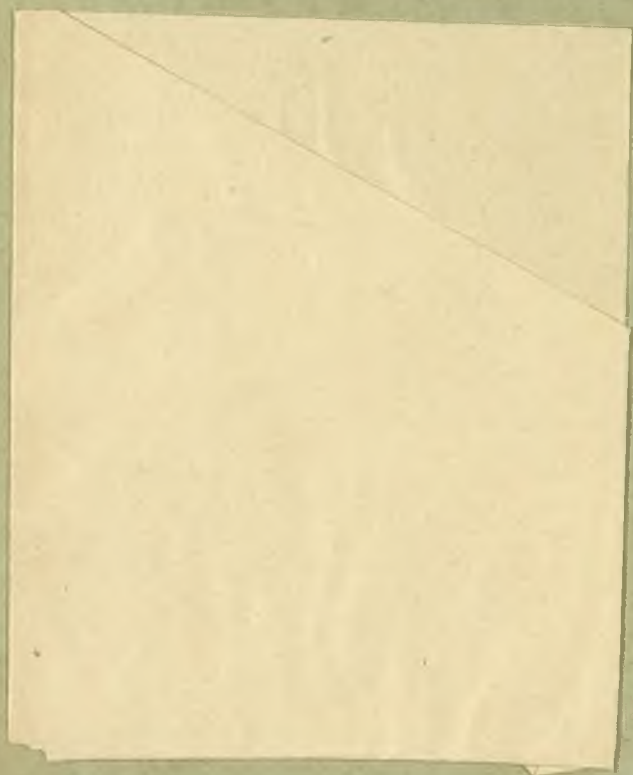

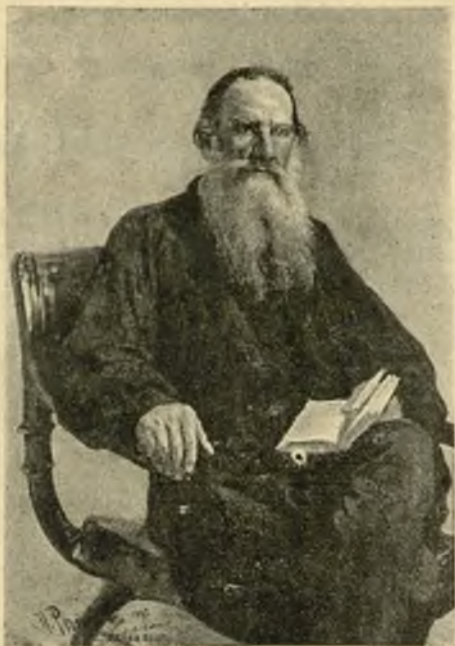
A $\frac{280}{504}$

504.
Л. Н. ТОЛСТОЙ.

О ВОЙНѢ.

Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ.

Издание „ПОСРЕДНИКА“ № 571.

03 NOV 1974

2007053700

О ВОЙНѢ.

Л. Н. Толстого.

По поводу книги А. И. Ершова „Севастопольскія воспоминанія“:

А. И. Ершовъ прислалъ мнѣ свою книгу: «Севастопольскія воспоминанія», и просилъ прочесть и высказать произведенное этимъ чтеніемъ впечатлѣніе.

Я прочелъ книгу, и высказать произведенное на меня этимъ чтеніемъ впечатлѣніе мнѣ очень хочется, потому что впечатлѣніе это очень сильное. Я переживалъ съ авторомъ пережитое имъ и мною 34 года тому назадъ. Пережитое это было и то, что описываетъ авторъ, — ужасъ войны и то, чего почти не описываетъ авторъ, то душевное состояніе, которое при этомъ испыталъ авторъ.

Мальчикъ, только-что выпущенный изъ корпуса, попадаетъ въ Севастополь. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мальчикъ этотъ былъ радостенъ, счастливъ, какъ бываютъ счастливы дѣвушки на другой день послѣ свадьбы. Только вчера, кажется, это было, когда онъ обновилъ офицерскій мундирчикъ, въ который опытный портной подложплъ, какъ надо, ваты подъ лацканы, распустилъ толстое сукно и погоны, чтобы скрыть юношескую и не сложившуюся еще дѣтскую грудь и при-

дать ей видъ мужества; вчера только онъ обновилъ этотъ мундиръ и поѣхалъ къ парикмахеру, подвилъ, на помадилъ волосы, подчеркнулъ фиксауаромъ пробивающіеся усики и, гремя по ступенькамъ шашкой на золотой португен, съ фуражкой на бочку прошелъ по улицѣ. Уже не самъ онъ оглядывается, какъ бы не пропустить, не отдать чести офицеру, а его издалека видятъ нижніе чины, и онъ небрежно прикасается къ козырьку или командуетъ: «вольно!» Вчера только генераль, начальникъ, говорилъ съ нимъ серьезно, какъ съ равнымъ, и ему такъ несомнѣнно представлялась блестящая военная карьера. Вчера, кажется, только няня удивлялась на него, и мать умилялась и плакала отъ радости, цѣлуя и лаская его, и ему было и хорошо, и стыдно. Вчера только онъ встрѣтился съ прелестной дѣвушкой; они говорили о пустякахъ, и у обонхъ морщились губы отъ сдержанной улыбки; и онъ зналъ, что она, да и не она одна, а сотни и еще въ 1000 разъ лучше ея могли, да и должны были, полюбить его. Все это, казалось, было вчера. Все это, можетъ-быть, было и мелочно, и смѣшно, и тщеславно, но все это было невинно и потому мило.

И вотъ онъ въ Севастополѣ. И вдругъ онъ видитъ, что что-то не то, что что-то дѣлается не то, совсѣмъ не то. Начальникъ спокойно говоритъ ему, чтобы онъ, онъ, тотъ самый человѣкъ, котораго такъ любить мать, отъ котораго не одна она, но и всѣ такъ много ожидали хорошаго, онъ со всей своей тѣлесной и душевной, единственной, несравненной красотой, чтобы онъ шелъ туда, гдѣ убиваютъ и калѣчатъ людей. Начальникъ не отрицаетъ того, что онъ — тотъ самый юноша, котораго всѣ любятъ и котораго нельзя не любить, жизнь котораго для него важнѣе всего на свѣтѣ, онъ не отрицаетъ этого, но спокойно говоритъ: «Идите, и пусть васъ убьютъ». Сердце сжимается отъ двойного страха, страха смерти

и страха стыда, и, дѣлая видъ, что ему совершенно все равно, идти ли на смерть или оставаться, онъ собирается, притворяясь, что ему интересно то, зачѣмъ онъ идетъ, и даже его вещи и постель. Онъ идетъ въ то мѣсто, гдѣ убиваютъ, идетъ и надѣется, что это только говорятъ, что тамъ убиваютъ, но что, въ сущности, этого нѣтъ, а какъ-нибудь иначе это дѣлается. Но стоитъ пробыть на бастионахъ полчаса, чтобы увидать, что это, въ сущности, еще ужаснѣе, невыносимѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. На его глазахъ человекъ сіялъ радостью, цвѣлъ бодростью. И вотъ шлепнуло что-то, и этотъ же человекъ надаетъ въ испраженія другихъ людей, — одно ужасное страданіе, раскаяніе и обличеніе всего того, что тутъ дѣлается. Это ужасно, но не надо смотрѣть, не надо думать. Но нельзя не думать: то былъ онъ, а сейчасъ буду я. Какъ же это? Зачѣмъ это? Какъ же я, я, тотъ самый я, который такъ хорошъ, такъ милъ, такъ дорогъ былъ не одной нянѣ, не одной матери, не одной «ей», но столькимъ, почти всѣмъ людямъ? Дорогой еще, на станціи, какъ они полюбили меня, и какъ мы смѣялись, какъ они радовались на меня и подарили мнѣ кисеть. И вдругъ здѣсь не то что кисеть, но никому не интересно знать, какъ, когда искалѣчатъ мое все это тѣло, эти ноги, эти руки, убьютъ, какъ убили вонъ того. Буду ли я нынче однимъ изъ этихъ, — никому не интересно; напротивъ, даже желательно, какъ будто. Да, я, именно, я никому здѣсь не нуженъ. А если я не нуженъ, такъ зачѣмъ я здѣсь? — задаетъ онъ себѣ вопросъ и не находитъ отвѣта. Добро бы кто-нибудь объяснилъ, зачѣмъ все это, или если хоть не объяснилъ, то сказалъ бы что-нибудь возбуждающее. Но никто никогда не говоритъ ничего такого. Да, кажется, нельзя этого говорить. Было бы слишкомъ совѣстно, если бы кто-нибудь сказалъ такое. И отъ того никто не говоритъ. Такъ зачѣмъ же,

зачѣмъ же я здѣсь? — вскрикиваетъ мальчикъ самъ съ собою, и ему хочется плакать. И нѣтъ отвѣта, кромѣ болѣзненнаго замиранія сердца. Но входитъ фельдфебель, и онъ притворяется... Время идетъ. Другіе смотрятъ, или ему кажется, что на него смотрятъ, и онъ дѣлаетъ все усилія, чтобы не осрамиться. А чтобы не осрамиться, надо дѣлать, какъ другіе: не думать, курить, пить, шутить и скрывать. И вотъ проходитъ день, другой, третій, недѣля... И мальчикъ привыкаетъ скрывать страхъ и заглушать мысль. Ужаснѣе всего ему то, что онъ одинъ находится въ такомъ невѣдѣніи о томъ, зачѣмъ онъ здѣсь въ этомъ ужасномъ положеніи: другіе, ему кажется, что-то знаютъ, и ему хочется вызвать другихъ на откровенность. Онъ думаетъ, что легче бы было сознаться въ томъ, что все въ томъ же ужасномъ положеніи. Но вызвать другихъ на откровенность въ этомъ отношеніи оказывается невозможнымъ; другіе какъ будто боятся говорить про это, такъ же какъ и онъ. Говорить нельзя про это. Надо говорить объ эскарпахъ, кофтръ-эскарпахъ, о портерѣ, о чипсахъ, о порціопахъ, о штоссѣ — это можно. И такъ идетъ день за днемъ, юноша привыкаетъ не думать, не спрашивать и не говорить о томъ, что онъ дѣлаетъ, и не переставая чувствуетъ однако, что онъ дѣлаетъ что-то совсемъ противоположное всему существу своему. Такъ это продолжается семь мѣсяцевъ, и юношу не убило и не искалѣчило, и война кончилась.

Страшная нравственная пытка кончилась. Никто не узналъ, какъ онъ боялся, хотѣлъ уйти и не понималъ, зачѣмъ онъ здѣсь оставался. Наконецъ, можно вздохнуть, опомниться и обдумать то, что было.

Что жъ было? Было то, что въ продолженіе семи мѣсяцевъ я боялся, мучался, скрывая отъ всехъ свое мученіе. Подвига, т.-е. поступка, которымъ бы я могъ не то что гордиться, но хоть такого, который бы при-

ятно вспомнить, не было никакого. Всѣ подвиги сводились къ тому, что я былъ пушечнымъ мясомъ, находился долго въ такомъ мѣстѣ, гдѣ убивали много людей и въ головы, и въ грудь, и во всѣ части тѣла. Но это мое личное дѣло. Оно могло быть не выдающимся, но я былъ участникомъ общаго дѣла. Общее дѣло? Но въ чемъ оно? Погубили десятки, тысячи людей... ну, и что же? Севастополь, тотъ Севастополь, который защищали, — отданъ, и флотъ потопленъ, и ключи отъ Іерусалимскаго храма остались, у кого были, и Россія уменьшилась. Такъ что жъ? Неужели только тотъ выводъ, что я по глупости и молодости попалъ въ то ужасное, безвыходное положеніе, въ которомъ былъ семь мѣсяцевъ, и по молодости своей не могъ выйти изъ него? Неужели только это?

Юноша находится въ самомъ выгодномъ положеніи для того, чтобы сдѣлать этотъ неизбѣжный логическій выводъ: во-первыхъ, война кончилась постыдно и ничѣмъ не можетъ быть оправдана (нѣтъ ни освобожденія Европы или болгаръ и т. п.); во-вторыхъ, юноша не заплатилъ такую дань войнѣ, какъ калѣчество на всю жизнь, при которомъ уже трудно признать ошибкой то, что было причиной его. Юноша не получилъ особенныхъ почестей, отреченіе отъ которыхъ связывалось бы съ отреченіемъ отъ войны; юноша могъ бы сказать правду, состоящую въ томъ, что онъ случайно попалъ въ безвыходное положеніе и, не зная, какъ выйти изъ него, продолжалъ находиться въ немъ до тѣхъ поръ, пока оно само развязалось. Юношѣ хочется сказать это; и онъ непремѣнно прямо сказалъ бы это. Но вотъ сначала съ удивленіемъ юноша слышитъ вокругъ себя толки о бывшей войнѣ, не какъ о чемъ-то постыдномъ, какою она ему представляется, а какъ о чемъ-то не только весьма хорошемъ, но необыкновенномъ; слышитъ, что защита, въ которой онъ участвовалъ, было

великое историческое событіе, что это была неслыханная въ мірѣ защита, что тѣ, кто были въ Севастополѣ, и онъ — герои изъ героевъ, и что то, что онъ не убѣжалъ оттуда, такъ же какъ и артиллерійская лошадь, которая не оборвала недоуздка и не ушла, что въ этомъ великій подвигъ, что онъ герой. И вотъ спачала съ удивленіемъ, потомъ съ любопытствомъ мальчикъ прислушивается и теряетъ силу сказать всю правду — не можетъ сказать противъ товарищей, выдать ихъ; но все-таки ему хочется сказать хоть часть правды, и онъ составляетъ описаніе того, что онъ пережилъ, въ которомъ юноша старается высказать все то, что онъ пережилъ. Онъ описываетъ свое положеніе на войнѣ, вокругъ него убиваютъ, онъ убиваетъ людей, ему страшно, гадко и жалко. На самый первый вопросъ, приходящій въ голову каждому: зачѣмъ онъ это дѣлаетъ? зачѣмъ онъ не перестанетъ и не уйдетъ? — авторъ не отвѣчаетъ. Онъ не говоритъ, какъ говорили встарину, когда ненавидѣли своихъ враговъ, какъ еврей филистимлянъ, что онъ ненавидитъ союзниковъ; напротивъ, онъ кое-гдѣ показываетъ свое сочувствіе къ нимъ, какъ къ людямъ-братьямъ. Онъ не говоритъ тоже о своемъ страстномъ желаніи добиться того, чтобы ключи Іерусалимскаго храма были бы въ нашихъ рукахъ, или даже, чтобы флотъ нашъ былъ или не былъ. Вы чувствуете, читая, что вопросы жизни и смерти людей для него несомнѣнны съ вопросами политическими. И читатель чувствуетъ, что на вопросъ: зачѣмъ авторъ дѣлалъ то, что дѣлалъ? — отвѣтъ одинъ: за тѣмъ, что меня смолоду или передъ войной забрали, или я случайно, по неопытности самъ попалъ въ такое положеніе, изъ котораго я безъ большихъ усилій не могу вырваться. Я попалъ въ это положеніе, и тогда, когда меня заставили дѣлать самыя противоестественныя дѣла въ мірѣ, — убивать ничѣмъ не обидѣвшихъ

меня братьевъ, — я предпочелъ это дѣлать, чѣмъ подвергнуться наказанію и стыду. И несмотря на то, что въ книгѣ дѣлаются краткіе намеки на любовь къ царю, къ отечеству, чувствуется, что это только дань условіямъ, въ которыхъ находится авторъ. Несмотря на то, что подразумевается, что такъ какъ жертвовать своею цѣлостью и жизнью хорошо, то все тѣ страданія и смерти, которыя встрѣчаются, служатъ въ похвалу тѣмъ, которые ихъ переносятъ, — чувствуется, что авторъ знаетъ, что это неправда, потому что онъ свободно не жертвуетъ жизнью, а при убійствѣ другихъ невольно подвергаетъ свою жизнь опасности. Чувствуется, что авторъ знаетъ, что есть законъ Божій: люби ближняго и потому не убій, который не можетъ быть отмѣненъ никакими человѣческими ухищреніями. И въ этомъ достоинство книги. Жалко только, что это только чувствуется, а не сказано прямо и ясно. Описываются страданія и смерти людей, но не говорится, что производитъ ихъ. 35 лѣтъ тому назадъ и то хорошо было, но теперь уже нужно другое. Нужно описывать то, что производитъ страданія и смерти войнъ для того, чтобы узнать, понять и уничтожить эти причины.

«Война! Какъ ужасна война со своими ранами, кровью и смертями», говорятъ люди. «Красный крестъ надо устроить, чтобы облегчить раны, страданія и смерть». Но вѣдь ужасны въ войнѣ не раны, страданія и смерть. Людямъ всемъ, вѣчно страдавшимъ и умиравшимъ, пора бы привыкнуть къ страданіямъ и смерти и не ужасаться передъ ними. И безъ войны мрутъ отъ голода, наводненій, болѣзней повальныхъ. Страшны не страданія и смерть, а то, что позволяетъ людямъ производить ихъ.

Одно словечко чловѣка, просящаго для его любознательности повѣсить, и другого, отвѣчающаго: «хорошо, пожалуйста, повѣсьте», — одно словечко это

VII 1125

полно смертями и страданіями людей. Такое словечко напечатанное и прочитанное, несетъ въ себѣ смерти и страданія милліоновъ. Не страданія, и увѣчья, и смерть тѣлесную надо уменьшать, а увѣчья и смерть духовную. Не Красный крестъ нуженъ, а простой крестъ Христовъ для уничтоженія лжи и обмана...

Я дописывалъ это предисловіе, когда ко мнѣ пришелъ юноша изъ юнкерскаго училища. Онъ сказалъ мнѣ, что его мучаютъ религіозныя сомнѣнія. Онъ прочелъ «Великаго инквизитора» Достоевскаго, и его мучаютъ сомнѣнія: почему Христосъ проповѣдывалъ ученіе, столь трудно исполнимое. Онъ ничего не читалъ моего. Я осторожно говорилъ съ нимъ о томъ, что надо читать Евангеліе и въ немъ находить отвѣты на вопросы жизни. Онъ слушалъ и соглашался. Передъ концомъ бесѣды я заговорилъ о винѣ и совѣтовалъ ему не пить. Онъ сказалъ: «но въ военной службѣ бываетъ иногда необходимо». Я думалъ — для здоровья, силы, и ждалъ побѣдоносно опровергнуть его доводами опыта и науки, но онъ сказалъ: «Вотъ, на примѣръ, въ Геокъ-Тепе, когда Скобелеву надо было перерѣзать населеніе, солдаты не хотѣли, и онъ напоилъ ихъ, и тогда...» Вотъ гдѣ всѣ ужасы войны: въ этомъ мальчикѣ съ свѣжимъ молодымъ лицомъ и съ погончиками, подъ которыя аккуратно просунуты концы башлыка, съ вычищенными чисто сапогами и его наивными глазами и столь погубленнымъ міросозерцаніемъ!

Вотъ гдѣ ужасъ войны!

Какіе милліоны работниковъ Краснаго креста залѣчатъ тѣ раны, которыя кишатъ въ этомъ словѣ — произведеніи цѣлаго воспитанія!

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
продаются слѣдующія произведенія Л. Н. ТОЛСТОГО,
изданныя «ПОСРЕДНИКОМЪ».

Кругъ чтенія. Избранныя, собранныя и расположенныя на каждый день Львомъ Толстымъ мысли многихъ писателей объ истинѣ, жизни и поведеніи, цѣна за томъ 1 р. 60 к.; оба тома—3 р. 20 к.

1. Ассирійскій царь Ассархадонъ. 2. Три вопроса, п. 20 к.

То же. Удешевленное изданіе, ц. 1 к.

Богу или маммонѣ? Разсужденіе, ц. 1 к.

Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ, ц. 1 к.

Власть тьмы. Драма, ц. 10 к.

Гдѣ любовь, тамъ и Богъ. Разсказъ, ц. 1 к.

Два странника, ц. 1 к.

Кавказскій плѣнникъ. Разсказъ, ц. 1 к.

Любовь. Разсужденіе, ц. 1 к.

Много ли человѣку земли нужно? Сказка, ц. 1 к.

Осада Севастополя. Разсказъ, ц. 2¹/₂ к.

Первая ступень. Статья, ц. 3 к.

Первый винокуръ, ц. 1 к.

Сказка объ Иванѣ Дуракѣ, ц. 1 к.

Смерть Ивана Ильича. Повѣсть, ц. 6 к.

Три смерти. Разсказъ, ц. 1 к.

Упустишь огонь—не потушишь. Разсказъ, ц. 1 к.

Хозяинъ и работникъ. Разсказъ, ц. 2¹/₂ к.

Ягоды. Разсказъ, ц. 1 к.

Великій грѣхъ, ц. 3 к.

Свѣчка, ц. 1 к.

Ходите въ свѣтѣ, ц. 3 к.

Богъ одинъ у всѣхъ, ц. 1 к.

Сестры, ц. 1 к.

Зерно съ куриное яйцо, ц. 1 к.

Афоризмы и избранныя мысли Л. Н. Толстого, собранные Л. П. Никифоровымъ. Выпускъ I, ц. 30 к.

Книжки цѣною въ 1 к. и 2¹/₂ к. не обрѣзаны и не прошиты. Въ улучшенномъ изданіи, т.-е. обрѣзанныя и прошитыя проволокой, онѣ стоятъ по 1¹/₂ к. и по 3 к.

При заказахъ просимъ указывать, въ какомъ именно изданіи ихъ желаютъ получить.

|| Изданія „Посредника“ продаются въ книжномъ магазинѣ «Посредникъ» (Москва, Петровскія линіи) и въ другихъ книжныхъ магазинахъ.

|| Адресъ редакціи и главной конторы книгоиздательства «Посредникъ»: Москва, Дѣвичье поле, Трубецкой пер., д. Осиповыхъ, И. И. Горбунову.

Каталогъ изданій «Посредника» высылается бесплатно.

2007063700